

ЭКОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Н.Ф. КОВКЕЛЬ

О ПРОБЛЕМЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПОНЯТИЯ «ПРАВОВОЙ ЯЗЫК»

Понятие «правовой язык» является одной из фундаментальных проблем правовой лингвистики, которая по настоящее время носит дискуссионный характер. Анализируя данную проблему, большинство исследователей отмечают, что, согласно лингвистическим критериям, правовой язык нельзя квалифицировать как самостоятельный. Такой подход доминировал в советском правоведении и преобладает в современной российской и белорусской юридической науке.

Для советского правоведения наиболее характерно заключение А.С. Пиголкина: «Особенности изложения правовых актов вовсе не свидетельствуют о наличии какого-то особого «языка» со специфическими закономерностями стилистики и построения фраз и грамматических конструкций» [1, 150]. При этом критике подвергались все выводы зарубежных исследователей о существовании особого юридического языка. Следует отметить позицию советского ученого А.А. Ушакова, который пришел к заключению о самостоятельности законодательного стиля [2, 68–93]. Однако даже эта посылка не побудила сделать вывод о самостоятельности правового языка.

Аналогичной точки зрения придерживаются и исследователи постсоветского периода. Так, Н.И. Хабибулина, изучая особенности языка закона и постигая его в процессе языкового толкования, указывает, что он не является каким-то самостоятельным специальным языком, а выступает разновидностью литературного языка и принадлежит к официально-деловому стилю [3, 57]. Абсолютную самостоятельность правового языка (языка закона, языка права, юридического языка) отрицают также Н.А. Власенко [4, 9–21], Т.В. Губаева [5, 3–13], Д.А. Керимов [6, 89–103], А.С. Пиголкин [7, 22–25], Г.С. Прокофьев [8, 10–22], Е.С. Шугрина [9, 19–32], А.Ф. Черданцев [10, 10–13] и др.

Самостоятельность правового языка не признается и многими зарубежными исследователями. Так, польский ученый Я. Воленьский указывает, что язык права от иных фрагментов естественного языка отличает «специфическая лексика, или терминология, а также определенная группа языковых правил. ...Оба отличия, лексическое и грамматическое, не выходят за пределы допусти-

Наталья Францевна КОВКЕЛЬ, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права Белорусского государственного экономического университета.

мых версий естественного языка» [11, 142]. Его мнение в польской юридической науке разделяют Е. Врублевский [12, 40–41], Т. Гизберт-Студницкий [13, 56; 14, 35–42], З. Зембиньский [15, 187–188], К. Опалек [16, 40–41], В. Патрыас [17, 107–108] и др.

Некоторые исследователи отрицают самостоятельность правового языка на том основании, что в правовой сфере функционируют различные типы текстов, которые невозможно объединить в единый язык по лингвистическим критериям. Например, немецкий ученый М. Нуссбаумер указывает, что юридический язык представлен таким множеством различных типов текстов внутри права, как общественного института, что говорить о нем как о самостоятельном языке с лингвистической точки зрения нецелесообразно [18, 45–58]. Л. Эриксен солидарен с такой точкой зрения, подчеркивая самостоятельность законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти и их специальных языков, объединить которые в единый и самостоятельный язык не представляется возможным [19, 17].

Другой подход к решению данной проблемы состоит в постулировании относительной самостоятельности правового языка. Аргументы сторонников данного подхода сводятся преимущественно к следующему: несмотря на то, что каждый правовой язык основан на соответствующем естественном языке, он имеет множество специфических, присущих только ему элементов (терминологических, синтаксических, стилистических и др.) и поэтому является самостоятельным специальным языком. Его самостоятельный статус обусловлен прежде всего функционированием в правовой коммуникации людей [20, 44–45]. Более того, во всех сферах правовой деятельности правовой язык основан на обособленной группе текстов источников права, прежде всего — нормативных правовых актов [20, 45].

Интересное решение проблемы самостоятельности правового языка предложено В. Патрыасом. Исходя из того, что лингвистические критерии не позволяют квалифицировать правовой язык в качестве самостоятельного, он предлагает воспользоваться философскими критериями, а точнее — критериями логической теории языка. Данная теория имеет различные версии. Согласно одной из них (которой придерживается автор), самостоятельность языка определяется наличием специфических языковых правил, классифицирующихся на структурные и семантические. Структурные правила, в свою очередь, делятся на правила формирования и правила дедукции. Правила формирования определяют способы построения выражений языка, а правила дедукции устанавливают принципы их равнозначности. Семантические правила касаются интерпретации системы, созданной на основе структурных правил [17, 108]. Анализируя язык права с позиций данной логической теории языка, В. Патрыас приходит к выводу, что язык права является совокупностью множества грамматически однородных самостоятельных языков с одинаковыми правилами формирования, но различными правилами дедукции. Называть этот конгломерат языков именем единого языка права неверно. В. Патрыас предлагает именовать его так называемым языком права [17, 109–112].

Представляется, что проблема самостоятельности правового языка должна решаться на основе лингвистических критериев. Между тем в современном языкознании отсутствует единое понимание такого сложного феномена, как язык. В многочисленных определениях естественного языка отражаются разные методологические подходы к нему, вследствие чего акцентируется внимание на различных признаках языка. Современные исследователи отмечают, что даже собственно языковедческое определение языка «не может быть исчерпывающим, поскольку в таком определении невозможно охватить все существенные стороны языка и с точки зрения языкознания» [21, 7].

Так, многие авторы определяют язык как важнейшее средство общения, подчеркивая социальную природу языка. В этой связи В.И. Кодухов отмечает: «Язык является важнейшим средством человеческого общения; нет и не может

быть человеческого общества и народа, которые не имели бы языка» [22, 8]. Другие исследователи обращают внимание на знаковый характер языка, определяя его как совокупность или систему знаков [23, 21; 24, 90–91; 25, 13 и др.].

Большинство современных ученых разделяют генетический подход к языку как деятельности, предложенный В. Гумбольдтом и А.А. Потебней [26, 70–74; 27, 256–268]. В. Гумбольдт писал: «Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикуляционный звук пригодным для выражения мысли» [26, 70].

Вместе с тем некоторые авторы игнорируют роль членораздельного звука в образовании и эволюции языка, отрывая язык от «звуковой материи», считая ее случайным явлением в языке. Например, для И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра язык являлся чисто психической сущностью. Первый из них трактовал язык в духе индивидуального психологизма: «Язык существует только в индивидуальных мозгах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [28, 71]. Ф. де Соссюр, автор знаменитого «Курса общей лингвистики», изданного его учениками А. Сешэ и Ш. Балли в 1916 г. уже после смерти учителя, четко отграничивал язык как явление существенное, социальное и психичное от речи как явления побочного, индивидуального и психофизического. Он считал, что язык не является деятельностью говорящего, он «есть готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим... Речь есть индивидуальный акт разума и воли» [29, 52].

Во многих современных определениях язык представляется совокупностью всех реализаций речи, так называемых личных языков, функционирующих в тот или другой период истории языка. Так, для американской лингвистики наиболее типична дефиниция Э. Хэмпса, который под языком понимает всю «совокупность высказываний, которой может пользоваться данная языковая общность» [30, 261]. Подобные определения языка с точки зрения формы, способа его существования характерны для Н. Хомского [31, 216], Дж. Лайонза [32, 68] и др. Цель других современных дефиниций — указать существенные признаки языка, отличающие его от иных явлений действительности. Так, в качестве чисто абстрактной сущности, верховной нормы для индивида, совокупности существенно важных типов, которые посредством речи реализуются с бесконечным разнообразием, определяют язык А. Гардинер [33, 13], Ю.С. Маслов [34, 8] и др.

Итак, во многих дефинициях язык отождествляется со знанием, владением языком, способностью к восприятию и отражению в языковой форме окружающей действительности и внутреннего мира человека. Известный американский специалист в области психолингвистики Д. Слобин, разграничивая понятия языка и речи, отмечает, что речь — это поведение, а «язык — это нечто такое, что мы знаем» [35, 22]. Он замечает, что именно на этом различии языка и речи основано введенное Н. Хомским различие между языковой способностью и языковой активностью [35, 22]. Некоторые лингвисты понимают язык как научную абстракцию, которая является результатом исследования и интерпретации речевых фактов [36, 317].

Итак, в современном языкознании естественный язык определяется как важнейшее средство общения; как знаковая система; как речевая деятельность по выражению мысли; как совокупность всех высказываний, которыми пользуется языковая общность; как знание, реализующееся в способности создавать и понимать определенные высказывания; как система научных понятий, которые формируются в результате анализа речевых данных, и т.д. Здесь можно провести параллель с разнообразными подходами к пониманию права и иными сложными социальными явлениями. Их сущность также определяется согласно методологическим установкам исследователей. Так, очевидно сходство между пониманием языка как знаковой системы и позитивистским подхо-

дом к праву как к системе норм, между трактовкой языка как речевой деятельности и социологическим правопониманием, между подходом к языку как явлению психическому, как к определенному знанию или системе научных понятий и психологическим пониманием права, между определением языка как важнейшего средства общения и коммуникативной концепцией правопонимания.

Из всех предложенных в современной лингвистике определений дефиниция языка как знаковой системы предоставляет нам наиболее четкий критерий установления самостоятельного характера того или иного языка. С определением языка как знаковой системы солидарно подавляющее большинство лингвистов, хотя некоторые оговаривают, что это система особого рода. У ряда языковедов сомнения вызывает то обстоятельство, что языковые знаки с точки зрения семиотики объединяются в единую группу с иными, принципиально отличными от них знаками [21, 39]. Современная семиотика действительно объединяет понятием знака все, что, согласно одному из 76 определений знака Ч. Пирса, «стоит для кого-то вместо чего-то другого в том или ином плане или отношении» [37, 14]. Однако при этом знаки классифицируются по самым разнообразным критериям и объединяются в принципиально различные знаковые системы.

Под знаковой системой в семиотике понимается «система знаков, приводящихся в действие исключительно в соответствии с правилами, приданными либо имманентно присущими данной системе» [38, 28]. Сущность знаковой системы заключается в том, что знаки, функционируя по правилам этой системы, выводятся на качественно иной уровень, трансформируются в новое содержание. Каждая знаковая система обладает следующими основными характеристиками: базисными и производными знаками, функциональными элементами, метаязыком, логиками оперирования системой, а также системой записи правил и операций [38, 28–41]. Следовательно, если правовой язык обладает специфическими, присущими только ему базисными и производными знаками, функциональными элементами, отличным от иных языковых систем метаязыком, логиками оперирования и системой записи, то его необходимо признать самостоятельной знаковой системой.

Очевидно, что правовой язык, обладая определенной спецификой, такой самостоятельности не имеет. Так, в качестве базисных знаков, первичных единиц правового языка выступают слова соответствующих естественных языков. Невзирая на высокую степень терминологизации и транстерминологизации правовой лексики, широкое использование обобщенно-абстрактных языковых средств, таких как гиперонимы (слова, обозначающие родовые понятия), формы глагола с отвлеченным вневременным значением, дейкты (местоимения и наречия без конкретизированного предметного содержания) и другие, базисные знаки правового языка заимствуются из лексики определенного естественного языка. Даже правовая терминология, создаваемая специально или возникающая спонтанно исключительно в юридических целях, основана на лексике естественного языка.

Из базисных знаков по определенным правилам грамматики, прагматики и другим правилам метаязыка знаковой системы образуются знаки более высоких уровней, так называемые составные производные знаки: сложные слова, словосочетания, предложения разной степени сложности, синтагмы. Образование производных знаков правового языка также базируется на соответствующих правилах естественного языка, хотя и имеет ряд отличительных черт, особенно в формировании предложений и синтагм. Специфичны прежде всего предложения в форме нормативных предписаний, содержащихся в текстах различных источников права. Они имеют форму распространенных повествовательных предложений, которые эксплицитно или имплицитно содержат деонтические модальности «обязательно», «разрешено», «запрещено», выражаемые различными словами и словосочетаниями. Более того, нормативные предписа-

ния текстов источников права всегда структурируются и объединяются в системные связи согласно юридической структуре норм права (гипотеза, диспозиция, санкция) и разнообразным системным связям между нормами. Для правовых текстов, особенно текстов источников права, характерно также широкое использование речевых стереотипов (фраз-клише) и языковых средств, увеличивающих содержательно-информационный объем предложения: причастных и деепричастных оборотов, однородных членов, придаточных предложений, обособленных предложно-падежных групп, вставных фраз и др. Однако особенности формирования производных знаков правового языка входят в число правил естественного языка.

Каждая знаковая система имеет целый класс функциональных элементов — знаков, предназначенных не для шифровки действительности, а для правильной организации материала внутри самой системы, установления связей между ее значимыми элементами — базисными и производными знаками. В правовом языке используется достаточно широкий круг функциональных элементов. К ним прежде всего относятся все функциональные слова естественного языка (союзы, артикли и т.д.) и все знаки препинания, которые являются своеобразными логическими направляющими, способствующими установлению внутрисистемных связей, поэтапному разворачиванию мысли. Специфическими функциональными элементами текстов источников права и некоторых правореализационных актов являются разделительные, указывающие и отсылающие знаки. К разделительным знакам относится деление этих текстов на разделы, главы, статьи, пункты или иные структурные элементы. В качестве разделительных знаков выступают также все буквы алфавита или цифры, посредством которых выделяются отдельные части, а также слова типа «раздел», «глава», «статья» и т.п. В качестве указывающих знаков используются слова, составляющие название текста источника права или правореализационного акта, а также названия их структурных частей. В качестве отсылающих знаков употребляются слова, которые отсылают субъектов права к другим местам данного или иных правовых текстов. Однако отмеченные особенности функциональных элементов правового языка вряд ли являются достаточным основанием, позволяющим говорить о его самостоятельности.

Важнейшей характеристикой знаковой системы является ее метаязык. Метаязык знаковой системы — это зафиксированный алгоритм ее функционирования. Он определяет базисные знаки системы, как они соединяются в знаки более высокой иерархии, какие при этом происходят морфологические изменения в базисных знаках, как все эти знаки собираются в предложения, отрывки и синтагмы, какие операции при этом можно и нужно производить со знаками. Чем абстрактнее знаковая система, тем важнее для нее хорошо разработанный и однозначный метаязык [39, 99–100]. Метаязык правового языка основывается на правилах словообразования, морфологии, синтаксиса и составления синтагм соответствующего естественного языка. При этом ему присущ ряд специфических черт. Так, правовая лексика может формироваться посредством самых различных словообразовательных моделей, среди которых в связи с необходимостью предписывать действия, обозначать положительные и отрицательные оценочные категории, а также субъектно-объектные отношения наиболее распространены превращения глагола в существительное с абстрактным значением действия (возместить → возмещение, причинить → причинение), отрицание (неуплата, недействительный, невменяемость), инфинитивные конструкции (обязать, обеспечить, разработать) и сложение слов (налогоплательщик, залогодержатель) [5, 53].

Определенной спецификой обладает и правовая синтаксис. Например, тексты источников права характеризуются синтаксическим синкретизмом, т.е. совмещением (синтезом) в одной словоформе значений двух или более элементов грамматической конструкции. Синтаксический синкретизм является удобным способом «конденсации» смысла, благодаря ему возможно передавать

значительное правовое содержание [40, 22–23]. Тексты источников права характеризуются также следующими стилистико-синтаксическими особенностями: 1) побудительным характером изложения текста, использованием номинативных предложений с перечислением; 2) прямым порядком слов в предложениях; 3) частым употреблением отглагольных существительных, отыменных предлогов (на основании, в соответствии с, в силу, в целях и др.), сложных союзов (вследствие того, что, в связи с тем, что и др.), а также различных установочных словосочетаний, служащих для связи частей сложного предложения; 4) тенденцией к употреблению сложных предложений, отражающих логическое подчинение одних факторов другим; 5) почти полным отсутствием эмоционально-экспрессивных речевых средств; 6) слабой индивидуализацией стиля и др. Следует также заметить, что в правовом языке представлены разнообразные стили: нормативно-правовой, присущий текстам источников права; официально-документальный, характерный для текстов правореализационных актов; научный, свойственный научным правовым текстам и научной правовой речи; публицистический и разговорный, характерный для профессиональной и обыденной правовой речи. Однако как отмеченные, так и иные особенности правового метаязыка заимствованы из естественного языка, что не позволяет выделить его в абсолютно самостоятельный метаязык.

Аналогично обстоит дело с логиками оперирования и системой записи правового языка. Принято выделять три типа логик оперирования знаковыми системами: логику соответствия между тем, что отражено в знаковой системе, и тем, что объективно происходит во внесистемном мире, т.е. логику соответствия между отражаемым и отраженным; логику внутрисистемных трансформаций, т.е. логику действия самой знаковой системы; логику приложения системы, изменяющую результат действия знаковой системы в направлении ее определенной аппликации [37, 176–188; 38, 120]. Все три логики оперирования правового языка обладают определенной спецификой, которая, однако, не может быть основанием для утверждения его самостоятельности.

Анализ правового языка как знаковой системы позволяет заключить, что он базируется на языковой знаковой системе естественного языка и не является абсолютно самостоятельным языком. На этом основании следует признать неточными термины «юридический язык», «правовой язык», «язык права» и др. Все они носят условный, конвенциональный характер и используются для более удобного обозначения языковых явлений и процессов в области правового регулирования и связанных с ним социальных сфер.

Необходимо также учесть, что для современной лингвистики характерны две основные перспективы исследования любого языка — как *langue* и как *parole*, определенные еще классиком лингвистики Ф. де Соссюром [29] и конкретизированные английскими исследователями М. Холлидэем [41] и А. Эдвардсом [42]. Предметом исследования в рамках первой перспективы является *langue*, т.е. язык как система знаков и правил оперирования ими. Вторая перспектива исследования основана на понимании языка как *parole*, т.е. совокупности речевых актов как социальных явлений, как системы интеракции людей. Поскольку правовой язык не является языком в смысле *langue*, т.е. абсолютно самостоятельной системой знаков и правил оперирования ими, то целесообразнее и точнее использовать термин «правовые тексты» вместо терминов «язык права», «правовой язык» и др. Языковые проявления в области права как *parole*, т.е. как совокупность речевых актов в процессе правовой коммуникации, целесообразно обозначать термином «правовая речь». Таким образом, более точными терминами для обозначения языковых явлений в правовой сфере являются термины «правовые тексты» и «правовая речь».

Термин «правовые тексты» обозначает все виды текстов, так или иначе связанных с правом. В свою очередь термин «правовая речь» обозначает все виды речи, функционирующей в правовых и связанных с правом социолингвистических ситуациях. Представляется, что многообразие видов правовых

текстов и правовой речи можно структурировать следующим образом: 1) тексты источников права (нормативных правовых актов, судебных и административных прецедентов, нормативных правовых договоров, а также доктринальных и канонических правовых текстов); 2) прикладные правовые тексты (правоприменительные акты и иные правореализационные документы); 3) прикладная правовая речь (профессиональная и обыденная); 4) научные и учебные правовые тексты; 5) научная правовая речь и правовая речь образовательного процесса.

Литература

1. *Пиголкин, А.С.* Подготовка проектов нормативных актов (Организация и методика) / А.С. Пиголкин. — М.: Юрид. лит., 1968.
2. *Ушаков, А.А.* Очерки советской законодательной стилистики: учеб. пособие: в 2 ч. / А.А. Ушаков. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1967. — Ч.1.
3. *Хабибулина, Н.И.* Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.И. Хабибулина. — М., 1996.
4. *Власенко, Н.А.* Язык права / Н.А. Власенко. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1997.
5. *Губаева, Т.В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т.В. Губаева. — М.: НОРМА, 2003.
6. *Керимов, Д.А.* Культура и техника законотворчества / Д.А. Керимов. — М.: Юрид. лит., 1991.
7. *Пиголкин, А.С.* Язык закона: черты, особенности / А.С. Пиголкин // Язык закона: сб. науч. раб. / под ред. А.С. Пиголкина. — М.: Юрид. лит., 1990.
8. *Прокофьев, Г.С.* Соотношение права и языка: теоретико-философский анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Г.С. Прокофьев; МГУ. — М., 2002.
9. *Шугрина, Е.С.* Техника юридического письма: учеб.-практ. пособие / Е.С. Шугрина. — 2-е изд. — М.: Дело, 2000.
10. *Черданцев, А.Ф.* Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А.Ф. Черданцев. — Екатеринбург: Наука, 1993.
11. *Woleński, J.* Język prawny w świetle współczesnych metod analizy semantycznej / J. Woleński // ZNUJ. Prace Prawnicze. — 1967.
12. *Wróblewski, J.* Zagadnienia teorii wykładni prawa ludowego / J. Wróblewski. — Warszawa, 1959.
13. *Gizbert-Studnicki, T.* Czy istnieje język prawny? / T. Gizbert-Studnicki // Państwo i Prawo. — 1979. — □ 1.
14. *Gizbert-Studnicki, T.* Język prawny z perspektywy socjolingwistycznej / T. Gizbert-Studnicki // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. DCCL XXVII. Prace z nauk politycznych. Zeszyt 26. — Warszawa, Kraków: PWN, 1986.
15. *Ziemiński, Z.* Wykładnia prawa i wnioski prawnicze / Z. Ziemiński // Zarys teorii państwa i prawa / A. Redelbach, S. Wronkowska, Z. Ziemiński. — Warszawa: Wyd-wo naukowe PWN, 1993.
16. *Opalek, K.* Zagadnienia teorii prawa / K. Opalek, J. Wróblewski. — Warszawa, 1969.
17. *Patryas, W.* Definiowanie pojęć prawnych / W. Patryas. — Poznań: Wyd-wo naukowe uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Ser. Prawo, □ 153. — 1997.
18. *Nussbaumer, M.* Sprache und Recht / M. Nussbaumer. — Heidelberg: Groos, 1997.
19. *Eriksen, L.* Einführung in die Systematik der juristischen Fachsprache / L. Eriksen // Juristische Fachsprache. Kongressberichte des 12-th European Symposium on Language for Special Purposes; hrsg. L. Eriksen, K. Luttermann. — Bruxelles, Bressanone, 1999; Münster: LIT Verlag, 2002.
20. *Otto, W.* Die Paradoxie einer Fachsprache / W. Otto // Der Öffentliche Sprachgebrauch. Band. II. — Stuttgart: Klett-Cotta, 1981.
21. *Гречко, В.А.* Теория языкознания: учеб. пособие / В.А. Гречко. — М.: Высш. шк., 2003.
22. *Кодухов, В.И.* Введение в языкознание / В.И. Кодухов. — М.: Наука, 1979.
23. *Вандриес, Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. — М.: Наука, 1937.
24. *Соломоник, А.* Философия знаковых систем и язык / А. Соломоник. — 2-е изд., доп. и испр. — Минск: МЕТ, 2002.
25. *Кудрявский, Д.Н.* Введение в языкознание / Д.Н. Кудрявский. — Юрьев (Дерпт), 1913.
26. *Гумбольдт, В.* Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. — М.: Изд-во иностр. лит., 1984.
27. *Потебня, А.А.* Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. — М.: Наука, 1976.
28. *Бодуэн де Куртене, И.А.* Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И.А. Бодуэн де Куртене. — М.: Наука, 1963. — Т. 2.
29. *Соссюр, Ф.* Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. — М.: Изд-во иностр. лит., 1977.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.
 □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.